

практики, задающей тон и направление дальнейшей работы художнику. Такая перекомпоновка ролей, вызванная прагматикой рынка, приводит к тому, что идеология становится важнее практики (манифесты как жанр в 1900–1910-е гг.), а скандал – быстрым путем попадания на страницы критических сочинений.

В. А. Куприянов

ЛОМОНОСОВЕДЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ В. И. ЛАМАНСКОГО

Введение

Еще при жизни фигура Ломоносова вызывала споры и противоречия. Можно сказать, что образ Ломоносова стал своего рода камертоном российской культуры в ее отношении к собственной истории: деятельность Ломоносова вызывала споры и полярные трактовки на протяжении практически всей истории ломоносоведения. Причем зачастую понимание биографии Ломоносова обрастало мифологизированными интерпретациями и идеологически ангажированными трактовками¹, что в конечном счете мешало верно оценить его вклад в науку и в целом в русскую культуру. Чаще всего в этой связи обращают внимание на советский период, когда отношение к Ломоносову скорее проходило под знаком заголовка газеты «Правда»: «гениальный сын великого русского народа». Тем не менее и в дореволюционное время (XIX в.) видение деятельности Ломоносова оказалось не менее идеализированным и в целом было свободно от научной объективности в современном смысле этого понятия. В этом отношении представляет интерес подход к пониманию исторической роли Ломоносова, представленный В. И. Ламанским, известным славистом, видным славянофилом, профессором Санкт-Петербургского университета и академиком С.-Петербургской императорской академии наук (с 1900 г.). Данная статья ставит целью рассмотреть интерпретацию Ламанским образа М. В. Ломоносова и выявить те философские и общемировоззренческие основы, которые обусловили специфику его подхода к деятельности

¹ *Колчинский Э.И.* К пятилетию выхода в свет второго издания «Полного Собрания Сочинений» М. В. Ломоносова // Вопросы истории естествознания и техники. 2017. Т. 38. № 1. С. 94–115.

Ломоносова, а также в конечном счете определить роль ломоносоведения в становлении философско-исторических и научных концепций В. И. Ламанского. В первой части статьи, отталкиваясь от анализа библиографии работ В. И. Ламанского, мы рассмотрим его публицистические работы, вышедшие непосредственно в связи с ломоносовским юбилеем 1865 г., во второй же части мы обратимся к анализу биографического очерка о Ломоносове, который был составлен Ламанским несколько раньше юбилея, но также имел цель актуализации значимости фигуры Ломоносова перед предстоящим празднованием 200-летия со дня его смерти. Интерпретация Ламанского выделяется не только ярким романтизмом, но также и своей актуальностью для современной истории науки, поскольку в своих основных чертах она оказывается созвучной также и современному подходу к пониманию исторической роли Ломоносова. В статье будет показана близость с современным ломоносоведением основных положений интерпретации Ламанским образа Ломоносова.

В. И. Ламанский и ломоносовский юбилей 1865 года

Интерес к фигуре М. В. Ломоносова и в целом к истории русской науки составляет неотъемлемую часть творчества В. И. Ламанского. Особенно плодотворным на исследования в области истории русской науки оказался ранний период научной биографии Ламанского: конец 1850-х – 1860-е гг. Как можно видеть из приведенной в конце данной статьи библиографии, основные историко-научные интересы Ламанского лежали в области истории С.-Петербургской Академии наук (СПб АН). Проводя работу в архивах, Ламанский публиковал новые материалы по истории СПб АН, а также готовил исследования по отдельным сюжетам из ее истории. По большей части, исследования Ламанского выходили в 1860-х гг. в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете»: в этом издании Ламанский публиковал найденный им архивный материал, что соответствовало целям данного журнала. Помимо архивных публикаций Ламанский писал на эту тему и публицистику, к каковой можно отнести его статьи в газетах «День» и «Голос». Таким образом, к собственно научным работам Ламанского, посвященным историко-научной тематике, следует отнести его многочисленные архивные публикации, а также статьи в «Отечественных записках», в «Вестнике Императорского русского географического общества» и в «Энциклопедическом словаре, составленном русскими учеными и литераторами» (1861). При этом статья в «Энциклопедическом словаре, составленном русски-

ми учеными и литераторами» может считаться первой работой Ламанского по истории Академии наук. Поэтому 1860–1861 гг. – можно выделить в качестве начального периода работы Ламанского в данной области, о чем он, кстати, непосредственно заявил в своей статье «Столетняя память М. В. Ломоносову»¹.

Основной же массив историко-научных работ Ламанского, как видно из библиографии, состоит из архивных публикаций (причем в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей российских» они выходили в основном без научного аппарата), а к исследованиям в собственном смысле слова относятся, прежде всего, его публикации по Ломоносову: творчеству Ломоносова посвящен биографический очерк, опубликованный в «Отечественных записках», а также известная в историографии по истории СПб АН работа «Ломоносов и Петербургская академия наук», содержащая пространные пояснения к архивному материалу о Ломоносове. В целом же следует отметить, что ядро публикаций Ламанского по истории СПб АН составляют работы по XVIII в., и именно исследования в области ломоносоведения формируют их главную составляющую. Поэтому ломоносоведение следует признать основной частью историко-научного наследия В. И. Ламанского.

И в качестве дополнительного аргумента в пользу этого можно привести цитату из поздравительного адреса Академии по случаю 50-летия научной деятельности В. И. Ламанского (адрес обсуждался в экстренном общем собрании АН 13 декабря 1904 г.): «Известно, с какою любовью и надеждой Вы остановились перед личностью нашего великого Ломоносова: Вы посвятили ему, начиная с 1863 года, ряд статей и исследований, которые, мы надеемся, отразятся и на продолжающемся под Вашим руководством издании сочинений первого русского академика. Вы увидели Ломоносовский протест против захвата России средневековою Европой, Вы усмотрели в нем прообраз того будущего русского человека, перед которым только с 1861 года открылся путь развития и могущественного роста. И, конечно, в Ломоносове Вам дорога не одна его национальность, не одно русское происхождение: Вы подчеркнули его нравственное превосходство над многочисленными его врагами и с любовью остановились на его широкой русской натуре»².

¹ Ламанский В.И. Столетняя память М. В. Ломоносову // Ламанский В.И. Геополитика панславизма. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 831.

² СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Ед. хр. 101. Л. 40.

Как видно из приведенного фрагмента, исследования в области ломоносоведения перекликались с общими философскими идеями Ламанского. Причем «ломоносоведческие штудии» позволяли Ламанскому рассмотреть историю СПб АН в целостном контексте истории русской культуры XVIII в. в ее отношении к западноевропейской цивилизации, что составляет ядро его философско-исторической концепции. В этой связи обращают на себя внимание две работы Ламанского – «Михаил Васильевич Ломоносов, биографический очерк» (1863) и «Столетняя память М. В. Ломоносову» (1864), к которым примыкает изданная отдельной книгой комментированная подборка архивных материалов «Ломоносов и Петербургская академия наук» (1865). Все эти работы появились в связи с ломоносовским юбилеем 1865 года, в котором Ламанский принимал активное участие. Причем статья в славянофильской газете «День» непосредственно имела целью актуализацию необходимости празднования этого мероприятия. Позже Ламанский 7 апреля 1765 г. в зале Дворянского собрания принимал участие в торжественном обеде, на котором он произнес речь, затем напечатанную в газете «День» и в материалах юбилейных ломоносовских мероприятий¹. В своей речи Ламанский представил Ломоносова поборником русской самобытности, первопроходцем русской мысли и отцом отечественной литературы, отметив благотворную роль меценатов Ломоносова и высокие моральные качества русского ученого. Важным является сопоставление Ломоносова с западноевропейской культурной историей: для Ламанского Ломоносов предстает родоначальником самостоятельной русской культуры и тем самым его роль оказывается идентичной, например, роли Лютера для Германии. Сравнивая торжественную речь Ламанского с его статьей 1864 года в газете «День», П. Н. Берков верно указывал², что в данном случае Ламанский не претендует на некую «демонстрацию против немцев», как полагал А. В. Никитенко³, а, наоборот, стремится признать заслуги

¹ См.: *Мельников П.И.* Описание празднества, бывшего в С.-Петербурге 6–9 апреля 1865 г. по случаю столетнего юбилея Ломоносова. СПб: Тип. т-ва «Общественная польза», 1865. С. 21–22.

² См.: *Берков П.Н.* Ломоносовский юбилей 1865 г. // Ломоносов. Сборник статей и материалов. П. М.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 216–247.

³ См. запись в дневнике А. В. Никитенко от 13 марта 1865 г.: «Большая суматоха по случаю приготовления к празднованию столетия после смерти Ломоносова... В городе готовятся тоже овации, в чем деятельно участвует Ламанский. Ему, главное, хочется этим насолить немцам, которых он смертельно ненавидит, и я начинаю бояться, что из овации Ломоносову выйдет де-

немцев в становлении русского просвещения, правда, добавляя при этом, что «глубокая благодарность России ожидает всех иностранцев, бескорыстно трудящихся в пользу ее просвещения»¹ (то есть полагая, что есть и такие иностранцы, которые поступают противоположным образом).

Тем не менее, А. В. Никитенко верно определил сущность позиции Ламанского относительно деятельности Ломоносова и в целом истории СПб АН. Лейтмотивом статьи Ламанского «Столетняя память М. В. Ломоносову» была мысль о немецком засилье в Академии наук. Ламанский указывает, что Академия состоит в основном из немцев и издает свои работы не на русском языке, а по большей части на западноевропейских языках, пополняя тем самым не русскую научную литературу, а иностранную, хотя Академия при этом существует на русские деньги. В этом отношении, полагает Ламанский, Академия наук не выполняет той изначальной цели, ради которой она была задумана Петром I – развивать русскую науку. Наоборот, Академия наук «своими немецкими изданиями едва ли не служит препятствием развитию строгой ученой деятельности в России и распространению нашего языка вне русских пределов»². Обращение к исследованию жизни и творчества М. В. Ломоносова послужило бы, по мнению Ламанского, средством русификации Петербургской Академии наук, то есть превратило бы ее из явления иностранной науки, имплементированной в русскую среду, в представителя русской научной культуры. Тем самым «будет исполнено завещание первого русского академика»³.

Помимо празднования собственно юбилея Ломоносова, призванного актуализировать память о нем, а также издания серьезной биографии Ломоносова и полного собрания его сочинений с публикацией сохранившихся архивных материалов, касающихся деятельного русского ученого, Ламанский предлагает провести торжественное открытие памятника Ломоносову «на площади между университетом и академией»⁴ – проект, реализованный лишь в 1986 г.

монстрация против немцев» (Никитенко А.В. Записки и дневник. В 3 т. Т. 3. М.: Захаров, 2005. С. 18.). См. также: Никитенко А.В. Записки и дневник. В 3 т. Т. 2. М.: Захаров, 2005. С. 248.

¹ Мельников П.И. Описание праздника, бывшего в С.-Петербурге 6–9 апреля 1865 г. по случаю столетнего юбилея Ломоносова. С. 22.

² Ламанский В.И. Столетняя память М.В. Ломоносову // Ламанский В.И. Геополитика панславизма. С. 835.

³ Там же. С. 837.

⁴ Там же. С. 839.

Также Ламанский выдвигает интереснейшую идею организации «*Ломоносовского капитала*». По сути, это план создания организации, очень близкой по своим функциям к современным научным фондам, финансирующим фундаментальные научные исследования. Согласно плану Ламанского, необходимо было организовать по подписке сбор капитала, из средств которого финансировались бы исследования в области естествознания и филологии. «Главная цель и прямое назначение Ломоносовского капитала, – указывает Ламанский, – укрепить и усилить поныне слабый в русской литературе дух пытливости и самостоятельности»¹. То есть имеется в виду поддержка самостоятельных исследований на русском языке ради формирования в России собственной научной традиции. В проекте Ламанского имеется в виду создать частный фонд, который бы выдавал деньги на исследования, а также на стипендии молодым ученым. «Смотря по средствам, – пишет Ламанский, – это поощрение может состоять в наградах за лучшие ученые самостоятельные изыскания... в пособиях таким бедным молодым людям, которые по выходе из университета желали бы идти по ученой части и приготовить самостоятельное исследование для получения звания магистра»².

Таким образом, основной историко-научной идеей Ламанского является тезис о немецком засилье в СПб АН, из-за чего она отклоняется от первоначального замысла Петра I как учреждения, представляющего русскую науку. Ломоносов в этом контексте оказывается поборником русификации Академии, и обращение к его наследию не только раскрывает его борьбу с немцами, но также и служит стимулом для преодоления существующего неудовлетворительного положения в СПб АН. Важным аспектом интерпретации Ламанским истории Академии и роли Ломоносова является мысль о русифицирующей функции Академии: академия наук не только сама должна быть русской (состоять по преимуществу из русских ученых и издавать свои труды на русском языке), но также и должна способствовать распространению русского языка и утверждать его в качестве международного языка высокой культуры. Собственно, обе задачи оказываются взаимообусловленными. Роль Академии наук в качестве инструмента распространения культуры имеет значение в рамках концепции греко-славянского мира, которую Ламанский разрабатывал на протяжении всей своей творческой биографии; русский язык в данном случае понимается Ламанским в качестве основы

¹ Там же. С. 845.

² Там же. С. 842.

единства народов греко-славянского мира в одном культурном и политическом целом под эгидой России. Наиболее полное выражение концепция греко-славянского мира как одного из геополитических пространств Евразии нашла в его главном историософском трактате «Три мира Азийско-Европейского материка»¹. При этом Ламанский делал акцент на ненасильственном распространении языка и основанной на нем культуры². Главным условием такого рода распространения является, по его мнению, собственное внутреннее культурное преобразование России³. Россия должна провести внутреннее духовное преображение и сделать свой язык и свою культуру привлекательной для других народов греко-славянского мира, благодаря чему, оставаясь независимыми, они примкнут к единой политической и культурной целостности. В этом аспекте, стоит сказать, Ламанский был оппонентом Н. Я. Данилевского. Последний настаивал на том, что к единству славянского мира приведет не распространение языка и науки, а совместная борьба против Запада⁴, а результатом станет нечто большее, чем некий политический союз – славянская федерация со столицей в Константинополе. Ламанский решительно возражал против такого подхода, указывая, что «мысль об общелитературном языке всех славян и об избрании для сего языка русского не только не исчезла в славянском сознании, но, напротив, сделала в последние годы значительные успехи. Для окончательного торжества ее нужно рассеять различные недомыслия, очистить, освободить ее от всяких туманных представлений или политических мечтаний о федеративных союзах и *аннексациях*»⁵. Роль Академии наук понимается в данном случае по модели *мягкой силы*: Академия должна продвигать русскую науку и служить инстанцией, привлекающей к себе народы силой своей культурной активности. Именно в таком контексте (актуализация роли Академии наук как инструмента мягкой силы) Ламанский рассматривает празднование юбилея Ломоносова: если русские проявят

¹ Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка. СПб., 1892.

² См.: Малинов А.В. Русская философия: исследования, история, историография. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. С. 17–51.

³ Ламанский В.И. Кирилло-мефодиевская идея // Ламанский В.И. Геополитика панславизма. С. 635–642.

⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб.: Глагол; Изд-во СПбГУ, 1995. С. 365.

⁵ Ламанский В.И. Столетняя память М. В. Ломоносову // Ламанский В.И. Геополитика панславизма. С. 847–848.

интерес к своей собственной культуре, покажут ее достоинство и ее достижения, то и другие народы последуют за ними. Образ Ломоносова оказывается в данном случае одной из составляющих политики *мягкой силы*.

Сказанное позволяет заключить, что Ламанский рассматривает Ломоносова в качестве гения национальной культуры и представителя «русского национального начала» в науке. Таковой подход вслед за современным философом науки Л. Дастон можно охарактеризовать термином «национальный стиль в науке», когда наука понимается в качестве элемента национальной идентичности¹. В соответствии с таким подходом, Ламанский интерпретирует роль Ломоносова как национального героя, открывшего путь русскому просвещению и в целом просвещению в греко-славянском мире (такой же была роль Лютера для немцев и Данте для итальянцев). Ламанский дает следующие характеристики Ломоносову: «великий подвижник русского просвещения», «величайший поныне деятель русской культуры», «образователь русского литературного языка», «отличный филолог и необыкновенно даровитый естествоиспытатель», «народный гений».

Характеристика Ломоносова как «народного гения» была полностью созвучна идее ломоносовских торжеств 1865 года, мотивом которых была следующая мысль: «С Ломоносова начинается самостоятельность русской науки. Имя Ломоносова – есть русское народное знамя в области мысли, слова, науки»². Однако ломоносовский юбилей 1865 года был лишь поводом, который позволил Ламанскому громко заявить о своих взглядах. Более детально образ Ломоносова как народного гения, происходящего из крестьянского сословия и отстаивающего русификацию науки, представлен в биографическом очерке, который был опубликован в «Отечественных записках», когда Ламанский был уже в заграничной командировке. Помимо материалов о Ломоносове («Ломоносов и Петербургская академия наук», 1863 г.), данный очерк является наиболее значимой работой Ламанского о Ломоносове. Хотя и нельзя сказать, что эта работа Ламанского была замечена и оказала серьезное влияние на ломоносоведение (как, например, работа «Ломоносов и Петербургская академия наук», которая заслужила положительный отзыв уже

¹ *Daston L. The ideal and reality of the Republic of Letters in the Enlightenment // Science in Context. 1991. № 4. P. 367–386.*

² Цит. по: *Берков П.Н. Ломоносовский юбилей 1865 г. // Ломоносов: Сборник статей и материалов. II. С. 222.*

при жизни Ламанского¹). Поэтому-то первой научной биографией М. В. Ломоносова считается работа П. П. Пекарского («История Императорской Академии наук», 1873 г.)². Возможным объяснением такой точки зрения, глубоко укоренившейся в отечественной историографии истории науки, является по сути *презентистская* методология, которую применяет Ламанский при рассмотрении биографии Ломоносова: для него исторический материал о Ломоносове важен, прежде всего, в контексте современности, то есть в контексте реформирования современной для него Академии наук. Необходимость таковой реформы рассматривается Ламанским в качестве неотъемлемой части либеральных реформ его времени (1860-х гг.). Именно исследование биографии Ломоносова и в целом истории СПб АН его времени служит, считает Ламанский, побудительным мотивом для преобразования Академии, остающийся по-прежнему рудиментом «петербургского периода русской истории», на преодоление которого как раз и направлены реформы Александра II. Поэтому можно утверждать, что реформирование Академии наук Ламанский видит в качестве одной из политических реформ, а его историко-научные исследования имеют конечной целью практическое реформирование российских научных организаций. Соответственно, глубинным мотивом его историко-научных исследований следует признать *политический*.

М. В. Ломоносов как «гений русского просвещения»

Однако поскольку и юбилейная статья 1864 г., и выступление в зале Дворянского собрания были для Ламанского поводом для обращения к народному самосознанию славян, а биографический очерк 1863 г., в свою очередь, оказался своего рода призывом к реформе Академии на основе такого самосознания, можно утверждать, что этот подход является, прежде всего, проявлением *славянофильства*. И рассматриваемый биографический очерк оказывается важен, прежде всего, в таком контексте, поскольку славянофильский подход как к истории русской науки и образованности в целом, так и к трактовке образа Ломоносова наиболее нагляден именно в этой работе.

¹ См.: *Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1873. С. 261.

² См.: Ломоносов: Краткий энциклопедический словарь / Сост. Э. П. Карпеев. М.: ОГИ, 2009. С. 267.

Более этого, критика немецкого засилья в СПб АН и трактовка образа М. В. Ломоносова как «народного гения» является следствием славянофильской ориентации Ламанского. Поэтому в целом историко-научный подход Ламанского следует называть не только политическим, но, прежде всего, *славянофильским*. Соответственно, историко-научные исследования Ламанского можно признать *политическим славянофильством*. В данном случае мы сталкиваемся с проекцией славянофильства на историю науки: славянофильство как общая мировоззренческая позиция проникла в историю науки и стала тем методологическим каркасом, который определил интерпретацию истории Академии наук и понимание образов основных русских ученых (М. В. Ломоносова). Поэтому если празднование юбилея Ломоносова 1865 года было лишь случаем для публичного высказывания Ламанским своих славянофильских взглядов, то указанный биографический очерк является работой, в которой выражены глубинные взгляды Ламанского на историю науки и в целом на русскую культуру. Речь, которую Ламанский произнес на празднике в честь Ломоносова выражает квинтэссенцию его взглядов; обоснование же его подхода представлено именно в биографическом очерке 1863 года.

Отметим основные положения интерпретации Ламанским образа М. В. Ломоносова в работе «Михаил Васильевич Ломоносов, биографический очерк». Ломоносов предстает в очерке Ламанского в качестве волевого и честного человека, проникнутого любовью к российским монархам (прежде всего к Петру I), пропитанным народным духом и подлинной православной верой, а также упорно ведущего борьбу против немцев и прочих иностранцев ради утверждения русской науки. При том, что таковой образ легко можно было бы прочитать через знаменитую уваровскую триаду, внимательное ознакомление с интерпретацией Ламанским образа Ломоносова позволяет выявить несколько иные истоки его видения образа первого русского академика. Выше мы упоминали о политическом смысле призывов Ламанского к реформированию СПб АН. В данном биографическом очерке несомненно видны также черты *славянофильского либерализма* и *романтизма*. Причем, как это ни странно, в своих основных моментах трактовка образа Ломоносова у Ламанского частично перекликается и современным подходом к пониманию вклада этого русского ученого.

Славянофильский подход к трактовке исторической роли и биографии Ломоносова наиболее проявляется в рассмотрении Ломоносова как представителя петербургского периода русской исто-

рии. В этом Ламанский следует традиции А. С. Хомякова, К. С. Аксакова и И. В. Киреевского. Ламанский указывает, что этот период русской истории страдает односторонностью, а сам Ломоносов в своей деятельности воплощает глубинные противоречия, порожденные петровскими реформами. Суть односторонности петербургского периода заключается в нарушении отношений между государством и обществом. Следуя славянофильской традиции (К. С. Аксаков, А. С. Хомяков), Ламанский проводит различие между обществом и государством. Общество, однако, трактуется Ламанским совсем не так, как это было принято в западноевропейской политической традиции – то есть в качестве механического соединения рациональных субъектов, поведение которых основывается на частном интересе. Общество для Ламанского, как и в целом для славянофилов, – это «земщина», или христианский мир с его общинностью. То есть это, прежде всего, культура, в основе которой лежат народные начала. Государство занимает по отношению к обществу служебную функцию. Если общество является источником самостоятельной экономической культурной жизни, то государство призвано защищать его, а также вносить в него элемент единства ради способствования естественному потоку общественного бытия.

Ламанский пишет: «Защищая страну от внешних нападений, заступаясь за ее интересы во всех международных политических сношениях, внутри государство имеет своей главной задачей рядом постепенных законодательных и административных мер уничтожать те внешние преграды, которые задерживают свободное развитие народа в отношении нравственности, умственного и материального. Государство тем вернее исполняет свое назначение, чем внимательнее прислушивается к голосу земли, к общественному мнению, чем лучше и успешнее удовлетворяет живым потребностям народа»¹. Соответственно, общество и народ понимаются в качестве автономного целого, хранящего в себе начала просвещения. Деятели государства – это не более чем смелые и решительные люди, в то время как общественные деятели, не имеющие никакого влияния в государстве, являются подлинными выразителями народного духа². Именно в этом учении об отделении общества от государства, в признании самостоятельности общества и служебности

¹ Ламанский В.И. М. В. Ломоносов, биографический очерк // Отечественные записки. 1863. № 1. С. 259.

² Там же. С. 260.

по отношению к нему государства можно увидеть черты славянофильского либерализма.

Ламанский полагает, что Петр I нарушил это отношение между обществом и государством, придав своим реформам насильственный характер. Петр принудительно придал государству просветительские функции, свойственные обществу и тем самым оторвал просвещение и образованность от их народной основы. Таким образом высшие просвещенные слои русского общества оказались проникнуты правительственным духом, потеряв связь с народом. Ламанский, как и все славянофилы, считает, что поэты, ученые, мыслители и прочие общественные деятели черпают силу у народа и являются выражением *народного духа* (*volksgeist*). Таковы Шекспир, Данте, Лютер и другие гении. Они по существу являются национальными героями. Интересно, что Ламанский вводит также представление о бессознательности народной жизни. Он указывает, что «общественные деятели» приводят к сознанию то, что в народе протекает бессознательно – в его языке, бытие и верованиях.

Ламанский пишет: «Свое общечеловеческое значение проявляют народы своими великими деятелями и находятся к ним в таком же отношении, в каком художники и мыслители к своим созданиям»¹. Акцент на народность, на иррациональность народного духа и понимание деятелей культуры в качестве национальных героев является ничем иным как проявлением романтизма. Поэтому подход Ламанского, как и в целом славянофилов, следует обозначить не только как либеральный, но также и как *романтический*. В интерпретации же петербургского периода как эпохи отрыва образованности от ее народных начал Ламанский следует непосредственно за А. С. Хомяковым².

Ломоносов выражает, с одной стороны, правительственную, «чиновную» сторону, характерную для петербургского периода и порожденной им образованности, а с другой, народность, истоком которой являются его крестьянские корни. Поэтому в Ломоносове совмещаются русская народность и западноевропейская образованность. Эта двойственность «естественно вытекала из того раздвоения, в которое неизбежно впадал каждый русский человек, соприка-

¹ Там же. С. 261.

² См.: Хомяков А. С. Мнение иностранцев о России // Хомяков А. С. Всемирная задача России. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 549–574; Хомяков А. С. Мнение русских об иностранцах // Хомяков А. С. Всемирная задача России. С. 574–612.

саясь с тогдашней образованностью»¹. При всей той идеализированности и том романтизме, которые присутствуют в трактовке Ламанским исторического образа Ломоносова, русский ученый верно определил основные черты творческой биографии Ломоносова, о которых пишут и в современном ломоносоведении. Так, Э. П. Карпеев отмечал, что Ломоносов «как человек, ученый и деятель культуры сложился под влиянием русской и немецкой культур»², и в этом смысле в своем творчестве он совместил начала западной и русской средневековых культур. «Разлом», о котором пишет Ламанский, является, скорее, выражением этого синтеза западной науки с ее рациональностью и русской гуманитарной культуры, которая в большей степени сохранялась в народной среде.

Говоря о «народности» Ломоносова, Ламанский встает на позицию *географического детерминизма*³: он подчеркивает значимость поморского климата и географии места, где родился Ломоносов, для формирования его характера и любви к природе. Ламанский полагает, что естествоиспытателем Ломоносов стал еще до прибытия в Москву, поскольку сельский мир и северорусская природа воспитали в Ломоносове тягу к познанию природы. Таковой подход в целом также находится в русле славянофильской философии. В этом контексте нужно упомянуть статью Ю. Ф. Самарина «Два слова о народности в науке», в которой видный славянофил призывает ученых строить свои научные изыскания на основе «живой струи народной жизни»⁴. Хотя, конечно, теория географического детерминизма применительно к истории науки вряд ли себя оправдывает, поскольку никакой закономерности между географией места жительства и характером научного творчества установить пока не удается.

Важной в интерпретации Ламанским образа Ломоносова является сквозная для всего творчества Ламанского мысль о едином славянском языке. Ламанский полагает, что Ломоносову «даже мелькала мысль об общем языке всех славян, по крайности православных»⁵. В этом свете Ломоносов предстает также и борцом за

¹ Ламанский В.И. М. В. Ломоносов, биографический очерк // Отечественные записки. 1863. № 2. С. 465.

² Ломоносов: Краткий энциклопедический словарь / Сост. Э. П. Карпеев. С. 172. См. также: Карпеев Э.П. Русская культура и Ломоносов. СПб., 2005.

³ Нечто сходное впоследствии можно найти в теории евразийства, а именно теорию месторазвития.

⁴ Самарин Ю.Ф. Православие и народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008 С. 438.

⁵ Ламанский В.И. М. В. Ломоносов, биографический очерк // Отечественные

единство славян и продолжателем, как указывает Ламанский, Ю. Крижанича. Народная природа характера Ломоносова и народные истоки его научной деятельности обусловили также и его борьбу за русификацию академии наук и борьбу с немцами. В этом аспекте подход Ламанского также частично совпадает с современным¹. В целом же для Ламанского Ломоносов оказывается национальным героем России, главная заслуга которого заключается в создании русского литературного языка², что заложило основы русской образованности и высокой культуры. Поэтому основной вклад Ломоносова в русскую науку – это импульс к самостоятельному научному творчеству.

В этом аспекте мы можем также усмотреть актуальность подхода Ламанского. При том, что в целом Ламанский дает идеализированный и в чем-то даже мифологизированный образ Ломоносова, основная тенденция его трактовки, заключающаяся в утверждении вклада Ломоносова как творца самобытной русской культуры, воспринимая новейшие достижения западноевропейской науки, также оказывается достаточно близкой к современному пониманию роли Ломоносова как *культурного героя*. «Главные заслуги Ломоносова, – пишут современные исследователи, – лежат вовсе не в сфере химии (хотя он сам считал себя в первую очередь химиком) или физики, но в том, что он был “культурным героем” России в противоречивую эпоху русского Просвещения и связанной с ним модернизации всех сторон отечественной жизни»³.

В этом отношении Ломоносов формировал культурное пространство для воспитания в России научного мышления, которого не было допетровское время. В русле этих усилий лежала та мощная образовательная (просветительская) деятельность, которую вел Ломоносов, и которая была столь важна для Ламанского. Поэтому при всем кажущейся нереалистичности образа Ломоносова у Ламанского следует отметить несомненную актуальность его оценки. Удивительным образом исследовательская установка Ламанского не помешала, а, наоборот, помогла ему верно оценить значимость и роль Ломоносова в русской культуре.

записки. 1863. № 2. С. 473.

¹ Карпеев Э.П. Гигант российского просвещения // Наука в России. 2003. № 3. С. 14–16.

² См.: Ламанский В.И. М. В. Ломоносов, биографический очерк // Отечественные записки. 1863. № 2. С. 460.

³ Дмитриев И.С., Карпеев Э.П. Герой и мученик российского Просвещения // Журнал общей химии. 2011. Т. 81. № 11. С. 1767.

Заключение

В заключении отметим, что ломоносоведение можно считать важной вехой творческой биографии Ламанского. Обращение к творчеству русского академика позволило Ламанскому высказать свои мировоззренческие взгляды и стало важным этапом в становлении его философско-исторической и геополитической концепции.

Если главным вкладом Ламанского в русскую культуру можно признать его концепцию трех миров Евразийского материка и концепцию греко-славянского единства на основе русского языка как языка культуры и науки, то важной ступенью в формировании его позиции стало обращение к истории русской культуры и истории науки. В этом отношении историко-научные исследования имели для Ламанского значение, далеко выходящее за рамки собственно историографических интересов. Обращение к истории науки было в его понимании способом народного самопознания, а история науки превратилась в результате в сферу национального самосознания. В данном аспекте Ламанский оказывается предшественником будущих организаторов первых специальных историко-научных организаций (В. И. Вернадский)¹.

Для Ламанского история науки оказалась опосредованной романтическим мировоззрением, о чем ярче всего свидетельствует трактовка истории в качестве инстанции, через которую дух народа осуществляет самосознание, или, говоря гегелевским языком, возвращается к самому себе и становится тем, что он по сути есть. Именно поэтому историчность оказывается здесь сферой национального самоопределения.

Специфика подхода Ламанского может быть усмотрена в акцентуации значимости не политики и государства, а науки и литературы как той части истории, которая определяет облик каждого народа. Характеризуя народную культуру, Ламанский обращает внимание на роль героической личности как двигателя истории. Именно таковым для него оказывается Ломоносов – выдающийся гений, который ведет народ вперед в его национальном развитии. Этот момент также свидетельствует о романтизме Ламанского, но также и позволяет отнести его метод к классическому типу историко-научного и историко-философского нарратива: методу «героизации

¹ Смагина Г.И. Предисловие // Судьба проекта «Русская наука» 1916–1920 (К 100-летию Комиссии по изданию сборника «Русская наука»): Статьи и документы. М.; СПб., 2016. С. 3–10.

научного прогресса», который был столь органичен для истории XIX столетия¹.

Влияние славянофильского романтизма может быть усмотрено также и в акценте на независимости народной жизни от деятельности государства. Поэтому в целом историко-научный подход Ламанского следует идентифицировать в как *славянофильский романтизм*, который, тем не менее, позволил ему прийти к выводам, вполне отвечающим и современному знанию о Ломоносове. Это, как нам кажется, свидетельствует о непреходящей актуальности той, казалось бы, забытой и по-романтически завораживающей интерпретации, принадлежащей перу выдающегося ученого В. И. Ламанского.

Приложение

Список работ В. И. Ламанского по истории русской науки²

1. О распространении знаний в России // Современник. 1857. Т. LVIII. № 5. С. 1–46.
2. Старинная русская картография // Вестник императорского русского географического общества. 1859. Ч. XXVII. Отд. II. С. 13–18.
3. Академия наук (Императорская, С.-Петербургская) // Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами. Т. II. 1861. С. 213–280.
4. Письмо княгини Е. Р. Дашковой к императрице Екатерине II (сообщ.) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1862. Кн. I. Отд. V. С. 171.
5. Материалы о Кулибине // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1862. Кн. I. Отд. V. С. 178–188.

¹ См.: Хагнер М. История науки // Наука и научность в исторической перспективе. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Алетей, 2007. 8–36.

² Составлен на основе «Нового сборника статей по славяноведению, составленного и изданного учениками В. И. Ламанского при участии их учеников по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности» (СПб., 1905. С. XI–LVIII) и «Материалов для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук» (Ч. 1: А–Л. Петроград: Типография Императорской Академии наук, 1915. С. 384–405).

6. М. В. Ломоносов, биографический очерк // Отечественные записки. 1863. № 1. С. 244–295; № 2. С. 460–509.
7. Столетняя память М. В. Ломоносову // День. 1864. № 37. С. 2–6; № 38. С. 4–7. (Отдельное издание – 1865).
8. Письма Шумахера и Эйлера о Ломоносове (сообщ.) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете (ЧтОИДр). 1865. Кн. II. Отд. V. С. 69–70.
9. Ломоносов и академия наук // Там же. Кн. I. Отд. V. С. 37–192. (отдельное издание – Ломоносов и Петербургская академия наук. М, 1865).
10. Речь, произнесенная на обеде, данном по подписке в память М. В. Ломоносова в Петербурге 6-го апреля 1865 г. // День. 1865. № 15.
11. Письмо Г. Ф. Миллера к Тобольскому Вице-Губернатору Бибинову 1739 г. // ЧтОИДр. 1865. Кн. III. Отд. V. С. 186–189.
12. Письмо С. Я. Румовского в Академию наук 1761 г. (сообщ.) // ЧтОИДр. 1865. Кн. III. Отд. V. С. 190.
13. Краткая записка о Петербургской академии наук президента ее С. С. Уварова (сообщ.) // ЧтОИДр. 1865. Кн. III. Отд. V. С. 336–339.
14. Еврейская коллекция и Непременный секретарь Академии наук // Голос. 1866. № 77; № 78.
15. Академики Миллер и Фишер и описания Сибири (сообщ.) // ЧтОИДр. 1866. Кн. III. Отд. V. С. 15–30.
16. Донесение академика проф. Штелина в Следственную комиссию о Академии наук после 1742 г. (сообщ.) // ЧтОИДр. 1866. Кн. IV. Отд. V. С. 119–123.
17. Донесение Императрице об учреждении для малолетних детей при академической гимназии, Н. Г. Теплова – Краткое известие, по каким причинам учреждение ныне сделано при гимназии академической о воспитании малых детей и на каком основании, И. Тауберта (сообщ.) // ЧтОИДр. 1866. Кн. IV. Отд. V. С. 124–129.
18. Эйлерская переписка (сообщ.) // ЧтОИДр. 1866. Кн. IV. Отд. V. С. 130–133.
19. Директор Академии наук С.Г. Домашнев (сообщ.) // ЧтОИДр. 1866. Кн. IV. Отд. V. С. 134–184.
20. Директор Академии наук Е.Р. Дашкова (сообщ.) // ЧтОИДр. 1867. Кн. I. Отд. V. С. 9–53.

21. Доклады Имп. Елизавете Петровне презид. Академии наук гр. К. Г. Разумовского (сообщ.) // ЧтОИДр. 1867. Кн. I. Отд. V. С. 4–6.
22. Письмо проф. Делиля к А.П. Волинскому (сообщ.) // ЧтОИДр. 1867. Кн. III. Отд. V. С. 54–56.
23. Письмо Тауберта к Козицкому и прошение его к Императрице о мызе и проч. (сообщ.) // ЧтОИДр. 1867. Кн. III. Отд. V. С. 4–8.
24. О смерти академика Гмелина в плену у одного горского кавказского владетеля. Донесение в академическую канцелярию студ. И. Михайлова и рисовальщика Ф. Баура (сообщ.) // ЧтОИДр. 1867. Кн. III. Отд. V. С. 11–16.
25. Мнение куратора Московского университета Шувалова о замечаниях комиссии на проектированный университетский устав (сообщ.) // ЧтОИДр. 1867. Кн. III. Отд. V. С. 103–106.